

18+

Анна Атталъ-Бушueva

Философское
общество
это — мнения

Анна Атталъ-Бушуева
Философское
общество Эго – мнения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551524

ISBN 9785006044906

Аннотация

За этой философской мыслью ты медленно находишь свой почёт, в чём сам символизируешь остаток чувства в личном. Его пародия из страха быть судьбой уводит эго в призрак неземной.

Содержание

Сборник поэзии: «Философское общество эго – мнения»	6
Пролог	6
Древнее зеркало науки	11
Философское начало без конца	13
Апологеты бытия	15
Жизнь ради искусства	17
Закрывает каждый на себе глаза	21
Роскошный миг отравы гедонизма	23
Голый месяц философской темноты	26
До этих смыслов – не дотронувшись	28
Приятный сон в непонятом аду	30
Вселенной формы цвета глубина	33
Где смысл луны поднял модели отражений звёзд	37
Независимость от прошлого	40
Чёрствое движение ветра навстречу	43
Пустота образа силуэта	46
Новый романс эго завтра	48
Достижение голоса кванта	50
Витиеватой философией ума	52
Акценты вечности	54
Сегодня день немых оттенков жизни	57

Мозаика разума	59
Разделяя мир на два	61
Разбивая космос	63
Оглушённое после последнего	65
Нуар внутри случайной жизни	67
Рождаешь словом нигилизма	69
Уничтожение любви удел лишь только слабых	72
Под жизнь окаменевшую от мук	74
Игривые мечты	76
Отпусти вину потустороннего	79
Страх лжи искусственной тени	82
Значение горя	85
Знакомый страх уверен на другом	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Философское общество эго – мнения

Анна Атталь-Бушуева

© Анна Атталь-Бушуева, 2024

ISBN 978-5-0060-4490-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник поэзии: «Философское общество эго – мнения»

Пролог

«Завлекаешь тишиной пародии кривой свой укор на малом свете мира, чтобы жизнь за эго обошла собственное счастье за тобой..»

Существуешь в практике вещей, за которой век твоей идеи стал символом благонадёжности, но существует в темноте скользких суеверий права быть ближе. Сколько цифр отождествляют характер идеи на новом имени литературной мысли, что стало удивительно видеть её картину на вымыслах твоего эго. Считаешь им дни и однотипные формы ментального несчастья, что единожды становятся кривой пародией на чудаковатом чувстве мнительного самоосуждения. Вероятность того, что слышать будешь ты под идеалом собственного сердца уменьшается с каждым часом, а эго убеждает опять свою панораму идиотского жизненного принципа. Летящий источник мира всё ходит по холёным нивам бытия, всё время утверждая способность осуждать мир в его начале. Спотыкаясь ты бу-

дешь думать, что находишься в конце, но философия твоего разума обращает инерцию жизни против тебя. Завлекаемый вероятностью своего блага ты чувствуешь его тень на счастье внутри и обсуждаешь движение мира навстречу жалости в своём эго. Существует ли точное описание мира родственной идиомы внутри твоих идей, но став философом ты видишь будущее как Ницше, у себя за этой болью предрассудка лени и желания уснуть.

Пародия стала для тебя новым чудом за благородством мира нынешнего счастья – социально утверждать его, думая, что ты один несносен из чалого ужаса бытия в жизни. Становишься утренним светом морального ожидания мифа внутри и говоришь своему эго за счёт привилегии красоты, что видит образ твоего благополучия. Став ей героем из романа жизненной тоски ты лучший свет природы носишь на лице, космически оставляя свод движения надежд из уже прошедших идеалов жизни. Нечеловеческий стук за твоей дверью осознаёт мир на чём стоял он все века, но задирая преисподний смех пародия показывает миру оскал и всматриваясь на новое чувство свободы снова умеряет канву идеалам жизни. Хочет ли она быть мудростью, или оставляет следы, как однотипные формы ментального страха, движению социальных идей не сходит твоя улыбка внутри морального осуждения малого в большом. Философский уровень мысли в верности личной надежде социально померк, но знает твои привилегии на социальном недостатке

быть дорогой вещью. Более богатой, чем сам человек, у него и сверх этого есть самый страшный суд на земной поверхности мира идеального сходства лучшей мечты. Её и ведёт пародия по около земной орбите представления собственно-го счастья из вымышленных слов лирики литературного героя, к нему обращается твой свет разумной чести, что существует на этой земле ещё с античного возраста мысли.

Какое длинное ожидание встретить нищиеанское чувство свободы внутри себя самого и окунувшись в него убеждать пародии над собственной жизнью, двигаясь к параллели осуждения своей мысли к собеседнику. Стал им твой разум на социальном эго и превозносит сегодня целый ряд односторонних прообразов людей и мнений. Они столпились серой массой вокруг сократовской элегии жизни и думают, что стали в бытие лучшими образцами мысленного чувства свободы. Померкли только цифры на лице литературного конца героя, его обращения к личной свободе вокруг мира приземлённых единиц разумного. Оно стало ими управлять и жить за счёт идеи желаемого диалога к себе самому, странной рамкой пользы пролагая свет внутри солидарности будущего. Как вычурно соотносит мир твои идеалы нищиеанского рассвета маски одиночества, что хочет выпасть из ряда лучших убеждений и стать социальной средой внутри реальности человеческой. Личная статя на страсти убеждать себя в свободе говорит и думает, что страх ей – лучший поводёр и нрав внутри обычаев, но станешь

ты ему характером как притчей на основе мысли ожидать другую реальность социальной маски одиночества.

Уровень философского прозрения стал ещё одним правом учить другого понимать свои обиды, ты же их зеркало на мире превосходства из тишины существования своей воли. Политической ли, но стала она социальным довольством для демократии множества, что и стиль обычаев на мысли, убеждая суть которых встретил свой рассвет нищиеанский удел видимой зари личности. Тоскуя не меркнет философское убеждение спадать на ряды односторонних идиотов, чтобы жить как социальный рупор души человеческой, её личной свободы и отождествления стать рукотворным идеалом смерти. Достигая своей вершины подлости в движении твоё эго обещает ждать ещё большего успеха в жизни, но думая как страсть пьётся на многолетнее чувство свободы. Личному страху убеждая иметь субстанции собственной тени врага и алча его каждый день, что мнит себя самого то становится лучшим другом в существовании тени прозрения от будущего. Даже Ницше убеждая свои инстинкты сравнивал поколение чувств на фатумах свободы личной, но практический тон социальной красоты утверждает, что вымысел так тлетворен в своём мифе зарождения, им страхи понимают лучший сон из мысли несуществующей. Философскому обязательству проникая до самых седин начала вездесущей красоты мира человеческого, остро и мгновенно как идеалы социального гипно-

за. Ты строишь ими новый инстинкт и право утверждать собственное счастье, но лучшее ли оно станет для твоего эго? Знаком социального ответа, или другой закономерностью убеждать социальное родство мысли, что когда – то ты жил в начале несуществующей видимой причины множества всего. Эго отлично понимая и в эго повторяя смыслом картину художественной необъятности свободы существования в мире людей.

Древнее зеркало науки

*Представляешь пустоту уродства мира,
Пусть нелишним скажет сон ему,
Одичав ты верить стал всему,
Что и древний путь своих имён души,
Заставляешь сон пускать на свет,
Принимая тяжесть жизни этой,
Будет ли изжит его портрет —
Знает только истина в вине.
Обращал свой философский ветер
Над зеркальным словом, словно мир,
Верил, что почти внутри излил —
Пусть ещё несбыточный оценик —
Каждую упавшую звезду
Над пощадой власти из сердца,
Будет ли играть её вину —
Зеркало науки в том любви итоге,
Или думать наяву сквозь сон
Обнищания уверенного счастья —
Ты упрятал верности засов,
Чтобы обращать искусству зло
По конечным идеалам счастья.
Зная этот день на той вине —
Пусть окончит просьбу в глубине*

*Солнечное зеркало твоей науки,
Занимая роскошь в тленном сне
И спокойно видимой, как мне,
Устрашению слов на долгой скуке
Ты проходишь, думая как слуги
И строптиво укрощаешь вечность,
Под обломками искусства на глазах.*

Философское начало без конца

*Антагонизму пишет сладостный конец
Спокойный сон из страха повседневного,
Он убеждён, что честью в мире фарс,
Пускает стрелы мирной тени в нас
И честностью обезоруживает словом мира.
Но частый возраст в тени – глубина,
На повседневной лени стройных глаз —
Всему вина из мира прежних роз,
Спокойно ожидающих начало бытия.
Твой мир неочевиден и прибит к тоске,
На смыслах роет свод дощатой пыли
И смертью в том изнемождён умом —
Ты стал сегодня думать не о цели.
За ценность воплощаешь мир теней,
А роза чёрной видимой пощадой —
Всё светит миру в полной темноте
И ждёт упорно в думах обо мне,
Случайностью души – не попрощавшись.
Сплотили фарс на сумерках пажу
Уступкой формы обладания сложили —
Свои антагонизмы, чтобы жить едва —
Из страха вера сердца укрывает их
И трепет мирных снов его ума*

Ты видел на оконченной игре поэта,
Но за тобой исходят миром света —
Покорность и тоска любви пера.
Им без конца ты обрисуешь мифы
На этих страхах заново — к лицу,
Что миром светит подло за советом —
Не жить в конце веков на праве этом,
Но умирая сердцем долгой сказки
Поговорить, что ты уже прибит умом
На этом сне дощатой жизни права,
Что светит очевидностью под солнцем,
Его манерой начинать сначала жить
За бесконечным словом мести ворошить —
Пути от философии, упорно как и сам
Ты опираешься на возраст за пером,
Его утерей зла и подлых лейтмотивов
В заношенной истории своей любви.

Апологеты бытия

*Мотив античный открывает пропасть,
Ты проверяешь сердцу долгий клич
Свободы идеала, что излила повесть
На сходствах знака будущего я.
В апологет природы ценности ума
Заслуга честности уносит бытие,
Оно сложнее миру над античной
Пародией оценки слова – в нас,
Заходит мера фарса не критично
Предчувствием на облике мечты —
Ты формам отучаешь видеть лично
Свою свободу на поруганной игре.
Где шанс, в котором слёзы на огне
Сплотили вид под сумраком весны,
История сняла погоды ветра мира
И чёрный шахматный наряд убила
За этой тенью времени из слёз?
Что стало в безымянной красоте
Нуара собственного счастья из основы,
На странном часе усмотрев беду
Под новым чувством зла апологета?
Ты забываешь частный возраст у себя,
Античной пробой мании величия,*

*Что маска поглотила скорбь — любя
На этой жизни без начала и отличия.
Всё время осуждаешь страх, ища,
Свой мир у трона ветхости последнего,
Им час пробил, заискивая миром клич,
Ты форму сердца обрисуешь видимой
Картиной мысли будущего я.
Но сон апологета стал не твой
И редкий свод тумана за тобой,
Как ветхая античность слова «мир»
Крадёт довольство утомлённых видом,
По преимуществу за знаковой игрой,
Уверив былль искусству за собой
Считать свою историю античной.*

Жизнь ради искусства

*Лишь совесть рассуждает о былом,
Внутри заметив историчность лет,
Несёт её портрет – твоя модель ума,
Она сложна и беглый перевод души —
То утончённое предчувствие внутри,
На нескончаемом плато из жизни вечной.
Выходит жизнью вопль – опередив
На выжженной природой слова, вдруг,
Ей тешит сердцу комплекс бытия,
Он – робкой глади полное лицо
Из небывалой спеси видеть мир
В твоём присутствии, чтобы объять перо
Над идентичным ходом мысли посторонней.
Где генетичен складный реверанс
Над окончанием природы в дар игры —
Ты осуждаешь мир, которого уже
Не стало внутренне и стихло просторечием,
Расплылся круг иллюзией былин,
Потухло сотнями образчиков – начало,
Где было светом – одичало правом,
Но жизнь искусства в том опередив.
Разлит в морали совершенного ума
Тот личный, видимый рассвет и до него*

Ты отличаешь сердцем ищущего я —
Свою печаль по форме блага притчи.
Укажет смыслом музыкальной тенёты
Твоя пародия из склепа томных лет,
Её портрет прочёл иллюзией вослед
И жалко стало оборотню жизни.
Лишь совесть рассуждает в дар любви —
Течёт её огромный казус лет,
Что точный возраст в мыслимой заре
Интеллигентной рамки быть умом.
Он сложен, горделив и ищет свет
На мозаичной проседи за словом,
Чтоб поэтическое чувство сном закованного
Дарило солнечное эго в лицах мира.
Предсказываешь числам склад вокруг
Обыкновенной маски и руки из плена,
Но не пленяет сердце в звуках мук
Твои года из быстроты разлук,
Что говорящим словом управляют этим миром.
Как тень внутри душевной суеты —
Ты весь один и трепет в постоянстве
Твоя иллюзия на скованной Земле,
Ей сном одним моральный тлеет пепел.
Фатальных мук в законченной игре —
Служил ты очерк из немого плена,
Но преднамеренно сказала Солнце мне,

Что ты один и ходишь современно,
Стоишь над пропастью из мысленного я,
Внутри укладывая дерзостью искусство,
Модерн – твоя порода от любви
И сон вещей из неги духа чувства.
Где воеет смыслом и трепещет ад,
Ты поворачиваешь склон манерам мира —
Назад, чтоб выяснить их страх
И думать объективностью под прахом
Над полной темнотой картины идеала.
Предубеждая волю страхом на глазах
Садится Солнце из твоей игривой
Печали думать над искусством так,
Чтобы объединить свои мотивы на умах
И жить сквозь пережиток из мечты,
Раскидывая долгий ветер мира
Над смыслом экзальтации из нег,
Его культуры естества модерна.
Знакомой жизнью слышится и ждёт
На ровной колее из тихой заводи —
Твоя манера полной пустоты,
Где нет тебя, но смыслом были стыл
Твой ад на снах искусства за игрой,
Её укромной мифологией пути,
При солнечном достатке этих лет
Причина автора – последовать за светом.

Увидев ролью актуальный взгляд
Ты говоришь, что весел и несметно рад
Из долгой объективности страдать,
Чтоб только жить на снах порока чувства,
Для этой полной, видимой луны
Искать пути искусства, как займы —
Смотреть из склепа мирного восхода,
Где был ты над поэтом стилем пустоты.

Закрывает каждый на себе глаза

*Проникает в сложный дым твоей
Кровной пищи слова из забытого —
Век на утопичности быть сильным,
Зарывая волей новый день,
Над твоей обычностью им вынес
Каждый равный на себе глаза,
Думал лишь критично сон вокруг
В частом взгляде милого лица,
Что быть может счастья им – глаза,
В смазанном столетии над благом.
Закрывает над причиной крест
И молчит, что ужас томной ночью
Самый благоверный сердцу мести —
Идеал из собственной души.
Не прощит он гордому наградой,
Голой притчей не изгладит след,
На котором высмеяла взглядом
Путь история о новом благе личном.
Пусть неясно, как стихает бред
Из любви в своей картине ада,
Он топорный сердцу воли след
Из притворства чистоты быть ядом.
Проникает в личной смерти круг*

Долгой выгоды однажды быть умом,
На своей манере слов из мести,
Осторожно высмеяв путь лести.
На глазах готовый ад – теперь,
Хочет век терпеть, ему ведь не хочется
Убедать мотивом право завтра,
Нам служба из сложной пустоты.
Чёрной притчей выстроена важно
Каждая особенная сердцу смерть,
Думает над тоном в мир однажды,
Чтобы философски к Вам смотреть,
Обожая слов прононс и важность
Человеческий уносит гордый свет,
Тот потомок, на котором скажет
Мир иллюзий к личности – им став.
Необъятен этот искус – ад,
Неприличен из одной им скважины,
Обоняет на стихах логический обряд,
Достигая лучшей цели чистоты,
Он твой общий мифа постулат,
Над которым числа слепят разницы
На глазах закрытых, словно яд
И несущих чистый свет из под Земли.

Роскошный миг отравы гедонизма

*Сожжён дословным именем любви,
Когда из мига равнодушной правды —
Ты выбирался, думая над личным благом
Ему роскошной ленью и отравой,
Приправил ноосферу в той тиши,
Что снег затронув частным объективом —
Несётся лень и унывает миром
Под светом равнодушия доказанной любви.
Её понурый ад ты топчешь идеалом,
Скрываешь свет из укоризны дней,
А заводь потупила частью слова
Мечты, о тонком имени и потеряла смерть.
Нет большие участи страдать своим умом,
Он ханжески извёл досужий хохот
Над собственной персоной в миг воткнув
Свои излюбленные стрелы бытия.
Одни они, лишь гложут смерть твою,
Пленяют век на тоненькой отраве
И между строчками о слове наяву —
Ты убеждаешь жизнь на этом берегу,
Что личный эгоизм ему – покорность блага.
Не вдумался отживший декадент
Творя свои симфонии над прошлым,*

Желания вонзить упорный яд
Под социальный визг дремучей пустоты,
Когда приходят за одним из нас —
Потомки интеллекта в дар чудес
И обещают смерти новый бег
В сиюминутной дерзости конца её преград.
На этот фосфорный мерцающий обряд
Ты положил искусственные тернии,
Сложив свою опору слова над потерей
Внутри истории о чуткости любви.
Она грядущим грандиозна в мире,
Пленяет сердце и опять умом зовёт
В твой миф о парадоксе свойства слова,
Над этой безысходностью, смотря в себя.
Не ты ли властвовал умеющим любить
Свои нетленные картины повседневности,
Печатав об этом взгляде диалект,
Он — страх на современном счёте им,
Крадёт свою печать и словом мирно
Становится как личный декадент,
Снимая волю из обрывков мира,
Пленяя воздух в сердце над судьбой.
В который миг ты эхо из ума,
Скитающихся черт отравы после,
Изводишь частью эйдоса свой стих,
Коль скоро страху мифы не дают

*Сегодня одолеть причину стиля,
Обдумав долгое над этим словом «шанс»,
Создав иллюзии из собственной души,
В которой нет остатка гедонизма?*

Голый месяц философской темноты

*Надело Солнце из мешка любовь,
Казалось ей, что жизнью одолело
Свою печаль под истиной быть смертью
И ставить сложный формы декаданс,
Но личный ад спадал на ложь внутри,
Стекая вечностью небесной красоты
В художественных линиях барокко,
Преобразуя долгий поля ренессанс.
Одна любовь осталась ей последней,
Отжившей юностью из праха слов благих,
В чьём месяце уносит ревность – страх,
За этим миром прикрывая гордо.
Отличный ли мотив успел сказать,
Додумывая голый месяц праву,
Что он один и честью снова рад бы —
Успеть иллюзии картины слов снимать,
Но дух барокко притаил нам смерть
И ждёт под философской темнотой
Её обыденное утро слов – мечтой,
Стихии ложных чувств и стиля мира.
На этом взгляде точное в любви
Износит чуткий пафос в дрожи слов,
Опустошая склеп пародии другой,*

Оставленной над пропастью невзгоды.
Но из мешка ты снова вынимал
Свою тоску и жил проворно адом,
Из старых черт аллюзий стал рабом
Своей искусственной души – её награды,
За эго не заметил только стиль,
Стекая на понурый слой Земли
Из этой вечности, утопленной как яд,
Давления пародии на мифы красоты.
Не объяснил тебе твой гордый силуэт,
Что этот день становится наградой
За каждым месяцем, его спокойным сном
И оперившимся искусством быть войной.
Считая новый век готовой красотой,
Уже явившей участь и нетленный стиль,
Досужим отрицанием быть лишним,
В природе думая за взглядом темноты.
Не ужас сковывает тонкие черты,
Услужливо топорщась нам вослед,
А этот холод из спокойной тени мира,
Всё внутренне ища свою любовь.

До этих смыслов – не дотронувшись

Упущен свод из маленькой души,
Неясно, как же стать внутри последней
Декадой символизма в смерти здесь,
Не оборачиваясь призраком из тени,
Усиленно смотрел в свои огни
До этих смыслов не дотронувшись столетием
Сегодня ровный склад работы лжи,
Души его похожего наследия.
Демократически не слепит ножны им,
Склонив манерный искус декадента
В твоей игре, что думает о личном
Притворстве порчи за своей спиной,
Немного укротив за этой тьмой,
Последней роскошью ты выжил из ума,
Она спасала редкое затмение
Иллюзий сердца непроглядной ночи.
По этим снам ты затопил умом
Свой реверанс и стал концом наследия,
Частичной повести происходящей в том
Подобии народной глубины ума.
Не дотянувшись смыслом правит трон
Из неги преисподних черт над памятью
Твоей души ли – ставшей смертью нам,

Или утопиш под клетчатой преградой?
Не объяснил свою потерянную дрожь
Ещё один катарсис в снах пророчества,
Затеял мирный ад и с ним мораль
На этот берег вынесло войной.
Знакомый оберег ты вновь берёшь
Из выемки сплочённых черт других,
Чтобы опять достигнуть воли глупых,
До этого доступных лени гнусных —
Эквивалентов мании природы дорогих.
Они толпятся в слаженном бреду
И стелют мир под носом чалой правды,
Но информация как посох нам в душе
Не достигает цели права под умом.
Её слоновий формы вольный склеп
Сегодня обращает стены к миру,
Как каждая звезда из чёрных мест
Скитания под жаждой слов благих,
Пока укроет нищиеанский ад
Свою проблему декаданса близкого
Ты – верный спутник и формальный раб
Его утопии под личным светом глупого.

Приятный сон в непонятом аду

*Цифра на цифру не бьётся душой,
Стелет посредник стрелу из затмения
Новому правилу думать над сердцем,
Высказав сложные мифы к лицу.
Слажен к приятному сон из приметы,
Волей отложен на мире из прошлого,
Образом шепчет, что гиблое мира,
Но не доказан на смерти из линии.
Лишь на строфе опирается точкой
В смыслах лицо из погоды столетий,
Ценностью ищет причины от грусти
На недоказанном сердце из благ.
Как неприятно в аду быть оставленным,
Мёртвым и слишком упорным душой,
Что из гнетущего склепа над пройденным
Ты вынимаешь свой мир, как осколок.
Нет ли ему утончённой руинам мечты
Видеть примету и слаженный ад напоследок,
Выстрелом сложного толка уже не уйти
И не отнять иллюзорной беды на уме,
Встал и остался ты в этом чалом бреду,
Роскошью льётся твоя неприметная воля,
Чтобы оправить историю в цифрах любви,*

Сложной системы упора внутри глубины.
Над философией тона она пробегает,
Слепит и снова старается выждать мечту,
Сном о последнем, в котором его не успеет
Здесь утомить за простором уставшей души.
Нет и её, от которого смысла ласкает
Стоны вопроса из проз засмотревшихся лиц,
Но из простора умом не выносит упорно
Самая подлая смерть над одним берегу.
Вымыслом быть неприятно и сном одному,
Как идеалом летать над иллюзией гладко,
Снова смотря на окно из проблемы потом
Ты одичал на просторах из цифры умом,
Сделал своей теоремой «пути напоследок»,
Чувству пространства нечаянной боли ума —
Ты обезличенный квант и реальность за сном,
Медленно движешь иллюзии ролью примет.
Будет ли ищущий свет за нетленным окном
Миром твоей обнадёженной лёгкости – править,
В этом просторе из цифры, что бьётся потом,
Чтоб не увидеть искусственный почерк реальности?
Не забывая упор и неявный восторг
Ты отличаешь внутри утолённые ночи,
Здесь, за больной объективностью шепчет восход,
Где – то иллюзией став человеческой прозы.
Им непонятен твой стыд и манерный укор,

Спало безоблачной нивой простое умом,
Цифры забежали пропастью между ревнивой
Болью отправиться в этот гнетущий надзор.
Нет и ему расторопного света за рамкой,
Съела мораль утончённый остаток руин,
Где – то железному склону мелькает под маской
Новое общество в смерти иллюзии с ним.
Пишет о сне солидарного уровня стиля
Сон нигилизма и страшный ответ наяву,
Что объективностью стало похожее время,
Сняло мотив и уложенный искус на праве.
Жаль, непонятен на вкус одичавшему слову
Твой утончённый манер и искусство внутри,
Держит за цифру могильное общество смерти,
Чтобы душисть идеальное мужество с ним,
Падая в сон откровения нового блага,
Где историчностью видели гнёта огни,
Но не они обличали за мерзостью плату —
Стали искусственным разумом в смерти – одни.

Вселенной формы цвета глубина

*Необъяснимой и усиленной догадкой
Ты опровергнешь существо из слов,
Что трепетно стучится через тысячи веков,
В попытке оправдать судьбы веление
И тихо подойти, без цвета роз и сильного желания,
Чтобы усилием тот смысл – преподнести,
Что форма цвета отражает – только нас,
Когда мы смотрим друг на друга каждый час
И то желание побыть наедине – с собой —
Вселенной формы цвета – не приблизит в час с тоской.
Вселенной формы жизни не имеют облака,
Не прыгают, как дети через красочные тени,
Что детство нарисует через годы и века
И подведёт к себе, чтобы определить на время,
Как ты живёшь и сколько бы смогли
Пройти ещё твои уставившие от времени – наречия
В пустых беседах о физической волне,
Что двигает прямолинейно атом, через облако стремле-
ний,
Чтоб оправдать тот человеческий урок – на лжи,
В котором собрано у тысяч поколений – сложенных ча-
стиц,
Структурой – длинный уголок, что видят лица —*

На времени остановившееся темя, из причин.
Лицо у времени одно, оно стареет вовремя
И шепчет, как сейчас, повремени со словом «бремя»,
Чтобы обременительно не шло оно – за нами
И, чтобы счастье не спугнуть от – слов уставших поко-
лений.

Трудом Вселенной появился ты на свет – один,
Но радости от уплотнения частиц – не видно,
Не получаешь в длительный момент – иллюзий шаг,
Когда сжимаешься, как только ты выходишь в космос
И космосом проделана не зря – твоя стезя —
Итог и тусклая глава, чтобы освоить пережиток лет,
Где «*Homo sapiens*» прожив едва свой силуэт —
Получат сильное желание уйти, с плеча руин,
Но у природы не начислен счёт – единый,
О судьбоносной и прямолинейной лжи, другого мира,
Как обмануть и не позволить жить над ним,
В своей стихии, так упрочившей пути.
Пути легенды в легендарных сказках лет,
Что мудрецы слагали много поколений – мило
И вывели итог о скорби бед – наедине с собой,
Что человечество не вечно между сном и истиной,
Но у природы разговор не сник, ещё былой
И эволюция всё развивает у причины слов —
Попытки человеку взять к себе – свой сон,
В причину совести от лжи к себе в награду —

Причину лести от ума, что хочет стать
Не тем кем был и может через время — новое,
То подтвердить и выучить опять — мораль,
В пустых ролях у многолетней, скучной цели.
Так явно не желая познавать — свою беду:
Пути противоречий собеседника о деле,
Пути противоречий в собственной игре,
Что жизнь предоставляет, через молнии у тени,
Через попытки перепрыгнуть ряд вестей
И не сникать в безоблачной, топорной тени —
Своей не очень лестной личности на взгляд,
Своей не характерной, но безудержной в стремлении —
Улыбке, брать пример не сторону плохого — от ума
И не учить Вселенную развить всё в срок.
Ведь мысленный урок не развивает — быстро время,
Когда потоком временной тоски, так удручает в теле
И, перелистывая фразу у Вселенной на уме —
Ты выпрыгнешь из пут обычности и длительного време-
ни,
Что давит на спокойное и сонное зерно —
Твоих пост философских умозрений — в темени.
Фамильной жизни предпочёл ты глубину
И очерком по проходящей жизни пишешь — правду,
О самобытности и зрелости у трепета ума,
Когда встречаешь ты единомышленников — вовремя,
Вселенной фраза о глубинности мечты,

*В сознательное эго вновь войдёт безропотно и годы
Уйдут через смеиное, озорливое окно,
Оставив след от тени долгих мнений – лиц людей,
Чтобы судьбы – та молодость осталась навсегда,
В лице, что долго ждёт и шепчет о прощении,
Что ты не зря проходишь время вспять
И, опираясь на душе стремления – всё терпишь.
Найдёшь у пустозвонной тишины – тот смысл ума,
Что в молодости так стремительно ушёл – от скуки
И пережиток превратится в статью – науки,
Переосмыслив времени пути у образного – чувства,
Чтобы путь вечности ты осознал в себе,
Как слово через миллиарды облаков – преддверия,
Что медленно ловить ты вновь готов – теперь,
Мечтая покорить субатомное время.*

Где смысл луны поднял модели отражений звёзд

*У звёздной карты под углом простого зрения
Нельзя не разглядеть ума происхождение,
Порядка долгожданную красу – от вечера,
Что мысли вновь даёт надёжно глубину
И сердцевиной может разгадать – судьбы строение,
По очертаниям у лунной догмы без забытого крыла,
По очертаниям у собственной идеи —
Найти там жизнь и убедиться, что её там нет,
Но притяжение модели сильных знаний —
Пойдёт на пользу в привилегии тех – сред,
Что моделируя абстрактно словом, даже
На карте, что объёмна видом построение ума,
Поможет смысл объединить в звезде последней.
С такой же сильной жизненной длиной – на полосе,
Где правда подведёт к себе года – смятения,
Как солнца луч пройдёт стремглав – сквозь острова,
Луны больших, объёмных кратеров пространства и границ,
Где сотни межпланетных и огромных единиц
Частично остановленного и проявленного я —
Остались через миллиарды лет пути, не обойдя идеи,
Что солнце создаёт орбитам на решениях – планет.*

Разлом тех сред, что открывают чувство совести,
Разлом тех бед, что проходили и без слов —
Вновь оставались исчерпаемым в уме — прозрением,
У солнечных прекрасных островов — вдоль мира,
На плазменном вблизи и огненном движении —
Согреть ту часть, что остаётся от ума
И подождать ещё неделю, чтобы вышел срок
Таинственной модели для тебя, глазами мифов,
По звёздам узнавать у жизни срок — реальный
И, проживая у движения внутри — оставить ей
Надежду, что природа обойдёт у цикла стать.
Ты скоро подведёшь простой итог — мораль,
Что цифры тоже могут сложно лгать,
Что номер для ума — твоя иллюзия печали,
Согретая на обращении культуры бытия
И цифровая плазма обойдя ручки — внутри —
Пройдёт так незамеченно в природе — одичав,
За знаком мира освоения луны — печали,
Причин твоей пространственной любви —
Любить окружность в обстоятельствах — пути,
Где горизонт событий так стремится обойти,
То время, что проходит в тени космической детали,
То свойство, что проникнуть так стремится в душу
И объяснить у месяца цикличность повторений слов,
Ты сможешь интуицией на красочном искомом — берегу.
Вселенной сложный, ровный ход опять на льду,

Что подытожил жизни череду не зря,
Что нам даёт объёмность в сочетании ума —
У линии простых на деле – совпадений грёз
И смыслом управляет, как излюбленный актёр,
Стремится покорить ту роль в сознании – свободы слова,
Стремится гармонично стать своей фигурой – в точном,
Чтоб передать изысканность определённости – внутри,
Через поэмы жестов в объяснении её – дилеммы,
Так нежно шевеля глазами и мигая словно сон.
Нам солнечное эго говорит теперь – пора —
Усваивать моменты очередности без слов,
Чтобы у составителей проектов покорения – земли,
Нашлось ещё немного лунной парадигмы – сильных фраз,
Чтобы обзавестись стремлением побыть
На лунно освящаемой поверхности природы лет,
Где отголосок от земли уносит вдаль – планет —
Твои печали через отражение зеркальной тьмы,
В уме, так прочно сотворившей миф – о роли звёзд:
Для человека в созданном пространстве и убранстве дня,
Для человека, так хотящего помочь себе —
Успеть соизмерение созвездий обрести – умом,
Чтобы космическую даль всё лучшее понимать
И сильным стать, как образ бытия космической идеи,
Над ролью космонавтики в условиях – модели грёз.

Независимость от прошлого

*Светлеет утро в серости от снежного покрова красоты,
Что тот природный блеск передаёт от сердобольной во-
ли*

*В попытках повернуть векам назло
То, что забыто в длительности судеб
И фатум не подскажет как здесь быть,
Ведь человеческое бремя ускользает в силах слова
И думает, что всё опередить – сумеет в предначертан-
ном доселе.*

*Расслабленность, как зов на тишину тоски
Под мудростью не вспоминается напрасно
В юлении к творению мечты —
Бежит услышать голосом из завтра.
Течёт по преднамеренной струе вопрос души,
Что отпечаток оставляет в судьбоносной встрече,
Которой в независимости воли всей
Ты хочешь получить от жизни прошлой.
Ей хочешь распознать в душевной суете,
Что умственной тревоге невдомёк от дел
К твоим суровым предпочтениям идти и личности черта
Всё не даёт оставить завтрашнее утро
В том обольстительном и неожиданном, как сон
Сопровождении столкнуть всё с суетой своих причин,*

*В которых уверяешь ты себя умом
И ласково оправдываешь время, не один.
Но временная твердь смеётся на тобой, в простой иллю-
зии,*

*Как сон в пределе от предвзятости мечты —
Ты слова Господин и рабское веселье
Не сможет совершить здесь приговор тебе.
Не сохраняет и начало от ума в судье,
Что властвует по дерзости к причине воли,
На этом уберечь от наглости в неволе
И передать то мудрое в значительном тебя.
Лаская юность опоздать не хочет без любви,
Мирами управляя в сотворении природы цельной,
Путь личности всё вновь определяя в тон —
Ты научился, вдруг, сам управлять тоской её последнего.
К тоскливости не подойдя без слёз её —
Ты поучительно осматриваешь долго
Любви не проходящее от прошлого окно
В зеркальном предопределении свободы.
Как человек всё хочет предпринять от сил,
В невзгодах получить уроки без любви,
Но реки, что вдвоём мы перешли —
Оставят след по переменной воле права.
Где ненароком попадут в своё нутро – пути мечты,
В котором без изъяна ты увидишь роскошь и уют,
Но мир преподнесёт всё точно, как в судьбе,*

*Чтобы оставить восхищение и пламенное сердце
В твоей слепой унынию и боли вдалеке —
Сегодня обозначенной морали – так долго ворошить её.*

Чёрствое движение ветра навстречу

*Чёрный нонсенс пролагает дверь
Из чертога смысловой игры
Не поняв, что это были мы
На одном ходу из чёрствой смерти,
Утолили в каждом сне мораль
И на этот путь – обратный ветру
Ты исходил к чувству бытия,
Сплошь по остановкам им души.
Небывалой кажешься под смерть,
После счастья в сдавленном пространстве,
Вехи вьют над пропастью обратно
Чёрный холод из тоски по нам,
Нет мечты, что видит постоянство
И, отмерив день своей тоски —
Стало чёрствым умирать пространство,
Разделяя верность той мечты.
Пролагает вехи в знаках счастья
День скупого мыслью на благом,
Держит эго к юности морали,
Чтобы стать ему причиной над умом,
Смертью взяли сплошь рутины нам
Из чертога сказанного слова —
Всю толпу, к чему она готова*

Говорить на разницах за ветром.
Слепит часом солнечного сна,
Им дорога юности воспета,
Что уносит формы века лично
На равнинах нонсенса из нас.
Не достать до юмора тот стиль,
Нет ему устройства видеть мир,
Чтобы денди думали как чувство
Из нутра скопления на снах вопросов,
Забирает к тени личный тигр
Всю твою опасность в снах руин,
Он нетленный город изо льдин —
Роскошь неприкаянного чувства.
Обернувшись светит прямо в глаз,
Нам доселе неизвестной мудрости,
Чтобы жить ещё в который раз
На понятном слое ветхих стен любви
И творить из немощи искусство,
Над проложенной дорогой глаз пустых,
Где ты взял за тонкостью из мужества
Свой остаток мнения за чёрствое ума.
Сомневается, бежит и отделяет нас
Твой несносный уровень под страхом,
Видит чёрствый век и на одном ходу
Ты стоишь им, что другое царство.
Постепенно светит в мир — другой,

Посторонний образ лучших благ,
Он один из качества надежды
Обращает вечность в сны у нас,
Дует ветром из обратных глаз
И уносит слов родство на верности,
Чтобы волей слышать тот росток
Неземной природы спелой мудрости.

Пустота образа силуэта

*Нежной кажешься сегодня одному
Холоду высокой степени мира,
Предлагаешь смелостью в других
Окрылять искусный почерк глаз,
Утопичность светится несмело,
Поднимая склон притворной ночи
И стоят твои народы в точности,
Как вчера из этой сказки томной.
Непоседа в пустоте из грёз,
Сложной рамкой сны свои уложишь,
Думая внутри, что это дождь
На обещанной истории за правом,
Отличаешь смертный толк вещей
И любовь за мнимой белизной
Откровения сегодня думать миром,
А потом идти за этой тьмой.
Непроглядный фабулы восторг,
Снов твоих искусственное чувство
В образах нуара вышел к нам
Символизмом смерти из чудес.
Как же жаль потерянный укор
Из нетленных берегов несмело —
Постигать искусственное тело*

На житейском мире из благого.
Открывая свой источник грёз
Думаешь над этим правом вечно,
Соль твоей тоски, что муки встречи
Над искусством в знаке бытия.
Укрощает он родство миров
И стоит над призрачной борьбой
Откровения и лени стать тоской,
Или сказкой к притчам слова тускло.
Разве нежным кажутся одни
Интеллекты собранного чувства,
Чтобы думать о пути из грёз,
Пролагая свет тоски к приличию?
Сломлен и бежит от слова, вдруг,
Твой сюжет, что истина внутри,
Неприкаянное Солнце из модели
Личной парадигмы снов несмелых.
Кажутся сейчас за этим сны,
Как и время в старости уплатой,
Говорящей мудрый свет на завтра,
Созданного блага в мире для людей.
Но и этот свод вопроса сложит
День единственный, что пролагает миру
Исторические тени пустоты,
Собранные над искусством стени грёз.

Новый романс эго завтра

*Единожды пустого сердца ради
Ты ищешь свет из немощи сегодня,
За этим часом утоляешь ноты,
Растраченной тоски внутри идей,
Иллюзией их стало видеть право,
Довольное негласной перспективой
Внутри обыденности говорить единой,
Пространству слаженной рукой.
Не ново видеть утомлённых ночью
И, формы перелистывая к завтра
Забывать их встречи, говоря покою,
Что будущему в каждой былине.
В глазах застыли миром постоянно
Те дни, как строки мужества устало,
Прощают слову пьедестал простого
И вычурного совестью идей,
Но этот шаг, пускай, не стал основой,
Сегодня выяснил искусное начало,
Ему предвзято обещающая страхи
Внутри за этим часом внутренней борьбы.
Как эго осторожно смотрит вдаль
И мир растраченной тоски судьбу восторга
Сегодня объясняет, в снах вращаясь*

Из мифов счастья, веря на словах.
Не был ли этот фарс и ночь надежды,
Что светит эго на сплошном уюте
Из мира мёртвых стен и обелисков
Вновь уступает вечности надзор.
Впускает звук романса на просторе,
Из мысли этой в чувствах нам присниться,
Что завтра склон материи простого,
Но выученной словом зла черты.
На небыль чёрной полосы лоснится,
Уносит важный фарс свою свободу,
Ей был за благо обещает моду
И пустошь на раскатах слов пустых,
Из недр Земли ты выстоял укором
Свою добытую свободу мира права,
Но эго ждёт романса формы завтра,
Чтоб стать его утопией под стиль.
Проходит чёрный берег сном к нему
И отличает сердце верное из мысли,
Оно барочно к чувствам, чтоб присниться,
За знаком выстоять из сердца пустоты.
Уносит ритм твоей утопии надолго
Ту музыку из благ просторной мысли
И шепчут следом благородству грёзы,
Что все они сошлись на этом дне.

Достижение голоса кванта

*Закрывая лицо остановит спонтанно
Удивление нового уровня мира —
Всю модель идеальной растраты любви,
Загибая мотив за предание слов,
Элегантностью воли сегодня готов
Ты блистать, что покров и укор,
Надлежишь потакать аргументам тоски,
Но любовью своей уличаешь мотивы
Над аллюзией вечной работы внутри.
За агонией свят, обезумел на вид,
Из притворного счёта могильного звона
Ты глашатай манеры добытых идей
И своих органических черт утопизма.
Что есть силы ложится мораль и любовь
Из того удивления нового мира,
Что не встать и не сесть из увилистых стен
На прекрасном итоге из голоса мира.
Он один элегантностью сиит как сюртук,
Показал удивление поздней тоски,
Что твои декадентные нормы — мотивы
Из урюмого часа постигают мораль.
Неизвестен на слух и воздет за собой,
На любви из возможности вехи почёта*

Ты обычный поэт, для эпитетов – квант,
Зарождаешь свою историчности метку.
Понимая итоги от сложной борьбы
За тобой оглашают на голосе кванта
Идиомы пространства на этом бегу,
Обособленной рамки из каждой борьбы,
Чтобы стать обездоленной ношей вокруг
Идиомы твоей субъективной окраски,
Раскрывая морали притворный нюанс,
Ты бежишь за лицом аристократии сказки.
Уникальным окном из нутра за тобой
Поднимают космический свод диалекты,
Ты один, но ценой за последней борьбой
Остановишь иллюзии в каждой подсказке.
Где вопросом внутри говорит идеал,
Ты – черты преднамеренный розыск ума
И довлеет твоя белизна наяву
Неприкаянной формы космической сказки.
Достигая движение сном говоришь
Отстранённому фону тоски из имён,
Все они наблюдают над роскошью миром
И готовые взять идеал за собой —
Ты ведёшь им покой и остаток любви
Из конечного смысла пути декадента,
Обособив иллюзии к каждой борьбе
Человеческой мысли на новой надежде.

Витиеватоу философию ума

*Не ровен час, когда под опустевшей липой
Ты встретишь тех заносчивых идей приют,
Полюбишь радостный рассвет
И поумнеешь мимолётной думой,
Тебе сегодня было сорок лет,
Ты в мире не один награду дал столетиям,
Не дважды оправдал себя судьбой
И философия не потускнеет с правдой,
Как жизнь, порой здесь любит и тебя,
Но теребит остатки сладостным воспоминанием,
Рождением о темах личной лжи
И рассуждениях о нравственном увечье,
Что жизнь уступчиво вознаграждает вновь тебя
И говорит не только лишь о личном,
Заимствовав умом остатки тех причин,
Услышанных в пространстве длительного счастья.
Придя в дыхании без измерения личин,
Ты мужество, вдруг, оправдаешь рвением,
В попытках выстроишь неравенство от смысла слов
И говоришь учтиво про себя, поранив им,
Наглежащей и сильной мукой между строк
Ты дашь надежду мудрости без гения,
Без тех излишеств в преднамеренности дней,*

*Что так витиевато шепчут рядом сном.
Но думами раскрыть вопрос нельзя,
Как в одиночестве препроводить потом
Огромное количество часов
Под наслаждение текущего ручья,
Взимающего им, как сон от тех оков,
Что раздражают тенью лишь тебя.
Постой и оглянись внутри назад,
Ничто уж так не будет, как вчера,
Не ровен день как солнечный рассвет,
Умоет лишних слов пустые грани,
Границ, тех безграничных перемен души
Ты может и услышишь, но сейчас,
Приди подобием, как истинность причин
И разум огради той философией без страха.*

Акценты вечности

*Ломая слов цветы рассказа и обращаясь в пепел дней,
Ты говоришь не так и сразу, и молча перелистываешь
дверь,*

*Монетой громко рассуждая и трепеща от тех идей,
Что ранее забавой стали, но не противились тебе
Характером склочного пения в угрюмости тех поз,
Им наградила жизнь тебя, ещё нетленно.*

*Пытаешься расставить ноты в поле вечности,
Заискивая хитрым тоном между нас,
Не молчаливость вне тебя, а верности окно —
Неправда смыслом в судьбоносной лжи,
Не могут перенять ту волю характерную для сердца
И описать в текучести веков своё родство
В пространственном излишке изобилий чувств.
Оттенок тот.. что отделяет смыслом слов
И разделяет наглость на ряды, разучивая ноты,
Им разглагольствуют повсюду зыбко,
Уплывая вниз и робко трепеща над их избытком.
Восходы сумрака над пылкостью той жизни,
Что рамки ставит не ища в тебе
Не расставляет песен сложных на игре,
В самодовольстве трудных дней его последних,
Не плачет о судьбе покорно в темноте*

*И не питает гнётом пустоты свою идею,
Где ты придумаешь любви исходные задумки,
Им не мерещится теперь, что есть одна
Работа доли бытия намёка в образе слепом
И непонятном образце подобия мечты.
Исхода оправдать не сможем мы
И переделать исторический характер правды в совести
ответа,*

*Но нет усилия сильнее, чем жить вдвойне,
Когда расстанется душа с покоем лжи,
С чутьём от злонамеренного счастья в себе,
Всё думая.. как если бы прошли твои года
И, перелистывая в памяти опять шаги
Настало сладкое забвение и ложь, как продолжитель-
ность веков.*

*Акцентам можешь ты не внять, но для подарка судеб
встань,*

*Расстанься с мнительным покоем ханжества Вселенной
В утопии своих обрюзгих мыслей и идей.
Моментом родственной улыбки без страдания и страха,
В неясности, что где – то нет тебя уже,
Уметь любить не перестанешь в мире одиноком,
Лишь зная там, что жизнь в тебе хранит
И открывает ночью тобою созданное эго.
Идёт по переулкам разноцветных лет,
Упрямо не давая вниз сойти и по пути*

*Акцентом вдалеке подмигивая, как сюрприз,
Ты отделяешь ей мораль, не властвуя над робостью ве-
ков.*

Сегодня день немых оттенков жизни

*Как ласковой, седеющей красой
Приходишь ты на нашу встречу,
Так встречу я тебя, постой, без горечи наречий.
Ты весел и хохочешь как всегда,
Всех дел ты занимательно спокоен
И ролью чувства может иногда
Приходит осознание любовью.
Окутает мотив тех дел простых,
Не понесёт за это речи полуправды,
А может истина приходит и вот – вот,
Вдруг окутает грусть немой печали
В стихах тех жизненных иллюзий – красоту,
Оттенком жизни видно наяву,
Как ты под сенью мнительных обид
Готов и притворяться и лелеять
Моих оттенков добрые черты,
Моих печалей тон и нежность
Не опечалив грусти красоты,
Не передав всей воли к правде,
К мечте, что приближается сейчас
И составляет мир твоих желаний.
Соединяя может невзначай
Я передам тебе тепло души, как в детстве*

Любовью непосильный труд
Исполнить можешь дважды,
Твоих красивых и заоблачных высот
Полутонов и вижусь громогласно важных —
Не испытанием, а тихою мечтой.
По жизни ты идёшь стремительно, отважно
И день за днём полупустых теней
Всё прибавляет к жизни каждый
И ищет ту иллюзию мечты своей,
Всё уходящей вдаль наречий долгих,
Как можешь ты под мнительной одеждой красоты
Скрывать порывы той пленительной мечты,
Что в мир приходит неслучайно,
Приносит, собирает наяву черты,
Осколки радости и многогранной силы,
Соединяя волю всю в пределах жизни
И дав надежду к преобразованию ей новой,
Что в будущем зовётся лишь одна,
В век приходя надёжно и надолго,
Любовью приносящей в мир до дна —
Всё совершенство, как оттенки этой жизни.

Мозаика разума

*На листопадной полосе, шасси ты выпускаешь смело,
Неси, неси.. не обвивая скромно духа тела,
Аплодисментами и шумом той толпы
Топтать не думаешь свою надежду
И разумеется, опять выходит ты позавтракать,
Рассчитывая нужный день, как час минуту обгоняет,
Секундой позабыв на век моих тревожных рук, ты впредь,
Не хочешь слушать гимн ночной и повторять всё также
громко,*

*Что все хозяева судьбы вполне опять теперь смогли
Обнять и близких и родных, но ты внутри не премини
Собрать мозаику и в час, где разноцветным тоном мчась
Спешат часов пути вдали, не обгоняя время.*

На счастье я в твоей судьбе всей роли помнить не долж-
на,

*Я здесь всегда и много дней ты выучишь опять сполна,
Весь смехом заливаясь ты.. вдруг собираешь все мои меч-*
ты

*И мчишь, как зверь в тени огней – любовью окрыляем.
Ты ласково напомнишь мне, мой долг о дружбе и скорей
Вся нелогичная волна под идентичностью мирской уто-*
нет.

Пойдёт ко дну и бремя бед на перерывах скуки,

*С тобой вдвоём мы много лет и нет для жизни муки,
Опять открыть всё песней той, на строчке воспевая,
Как дорог мне тот милый день,
Ты – в памяти всё мозаичностью скрывая,
Белеющей харизмой, как зимой под снежным одеялом лени-
вым,*

*Я вся в тебе.. и нет.. постой, ещё моих всех линий много.
Относят здесь они душевных тем тоску, не голосащей
правды,*

*В пустых пороках тихий плен, не возвращаясь дважды,
Когда мой разум пел тебе о неподкупности и воле,
Вся жизнь стремительно прошла и оправдания не скрою,
Придя мозаикой постой и выстроив всё снова рядом
Узнай же ты, где твой покой и вдохновение на правду.*

Разделяя мир на два

*Два тонких поворота в смысле сложенном втройне,
Два сильных оборота слова в предложении о сути,
Не мир нас разделяет и на два
Оттенка мужества похвастать упрешдает дважды.
Неразделённое, то чувство между строк
Я написала буквами опять, где осторожно,
Расплывчато теперь твоё окно,
Не видно суматохи осени по листьям.
Как длительна твоя фигура без порока,
Без оправдания опережать сейчас его
И делать всё со смыслом и от Бога,
Уметь противиться навязчивым и стройным мыслям.
Под скрупулёзным и ответственным, как ты,
Все люди видят только лучшее, не преходящее.. один,
Сейчас ты с сердцем пополам оставил чувство боли,
Остановил свой унывающий и точный смысл
О нераздельности судьбы на два порога,
Но всё же отделяя смысл других —
Ты отделяешь мира основание, в котором
Незаменимо, то твоё тепло внутри потери,
Что в день общения успели мы понять,
Оно нам много лет с тех пор течёт, давно уже стихает
И мир разделен словно яблоко на доли.*

Ту философскую упрямую черту возьму опять,
Доделать всю её и не спросить потом,
Оставить быстрыми шагами и может наяву
Соединю я мир за два.. за два мгновения пути,
На два момента истины о прошлом позабытом,
Им два усилия судьбы придумать я смогу,
Что жизнь мне показала и не ложно
Вокруг тех тёмных дней не будет, сколько есть,
Не перечесть поправки к той судьбе
И листьям их не вымолвить, как я тебя люблю,
Как мир я разделяю и на два пути,
Два судьбоносных утренних рассвета
В полутаинственном отчаянном стремлении идти,
Две юности неумолимо где – то
Растут определением причин её стихии.
Неразделённости по поэтической судьбе
Не сможет угадать перо поэта, о тебе
Не вымолвит на сонном берегу, где наяву,
Соединяя в мире этом, ты стал единственным идти.

Разбивая космос

*На одних разногласиях памятью спит
Небо шёлковой линии в теле обид,
Не наказанной чести из смерти души,
По приказу любви из пустого пространства,
Необычен на вид иллюзорного в стиле —
Тот космический отблеск нечаянной жизни,
Постоянно приводит разнузданной тьмой
Окружение мифов под смыслом своим.
Разбивая учтивое общество спит
И топорицит, теперь от нечётной стихии
Маргинальное лоно из той же души,
За забывчивым светом её отделения,
Не нашёл ли на шёлковой линии взгляд —
Тот космический ужас на сердце из роз,
Опаляет и светит по миру подряд,
Чтобы лучшее качество слова услышать.
Не берёт от иллюзий стеснение им,
То забытое общество в стиле ума
И хоронит потерянный логос руин,
Что упавшая пропастью Неба дорога.
Почему не узнает им в страхе — мотив,
За своей обречённостью видеть картины,
Столь художнику милые в каждом глазу*

И расписанной ловкостью мира затихшие.
Не разбитые космосом спелят вину,
Отойдя от разбросанной точки культуры,
Все они постоянные светом фигуры
Архетипов моральной тоски по уму.
Космологии смотрят над бездной вину,
Отвечает фрустрация слова за памятью,
Что фортуна плывёт из пути одного
Запоздалого общества к сердцу обиды.
Не видать всё упитанной маски игры,
Прилагает отсылный моралью – тот век,
Он умом – наблюдает за тенью своей
И течёт осторожностью света прохлады.
Не разбито за космосом слова в судьбе
Опостылое правом умение встретить —
Ту звезду идеальной к унынию смерти,
Различаемой правом культуры руин,
Постоянна она, на лице видит вечер,
Всё вникает утопией серой тоски,
Что ведёт идеальное смыслом навстречу,
За тобой – разбивая смертельное право.
Нам оно не достигнет уныния слов,
Порождая волнительной маской уложит
Середину вопросов на тот же помост,
Что и вечность космической формы – докажет.

Оглушённое после последнего

*Брюзга из сожаления над завтра,
Твой воздух оглушает сердце снов,
За этим светом утоляет речь
Внутри иллюзии господства бытия,
Сложилось время в середине формы им —
Твои оценки в поле над простором,
Манящим вновь преодолеть любовь и горе.
Но встретил сон брюзга из жалости к себе,
На чёрной веренице скопленной зари
Он убеждал фатальный ужас говорить
И ждать спонтанной встречи мира истины.
Ему знакомо горем быть войной,
Что обещанием свободы умереть внутри,
Как этот гиблый лист фортуны над тобой,
Сегодня огибающий искусство просторечия.
Тебе знакомо быть усталой тьмой,
Заметно разговаривая к формам смысла,
Ты оглушаешь звон из тонких черт,
Притворствуя над качеством свободы.
Аналитическая истина — твоя вражда
На склоне обещания уметь идти,
По той войне, что сложно миром встать,
Её укором к полной чистоте.*

Над этим нигилизмом светит круг
Формальной области из знания причин,
Он объективности брюзга исчадия потуг
И ловкий вор, умеющий летать.
Причинам истины он – должный детектив,
Внутри надсмотрщика укрывает ровный стиль
По социальной роли света предлагать
Свою историю, что пишет край у жизни.
Откроет свой последний декаданс
Брюзга из тлена форменной души,
Логичной тенью от того дрожит
Под постоянным светом мира перед ним,
Он ожидает в гордости – один
И каждый час ему проходит – время,
Как жалкий плут естественного с ним,
Но аккуратным словом измощённых лет.
Не говорит поэт брюзге ещё неделю,
Но стынет позой счастья на виду,
Он – Господин из суеверной тени
Искусственного ада быть творением,
Или началом собственной войны?

Нуар внутри случайной жизни

*Просветлел над роскошью ответ,
Им сегодня будит время – жизнь,
Отдаляет серый дым вокруг
Из случайной встречи над потерей.
Слажен гиблый фарс из тени снов,
Засыная смотришь в такт последним,
Чтобы жаждой времени объять
Солнце воли перед сложным миром.
Не отнять нуар из встречи слов,
Он укажет естеству из слога,
Что готов писать ответ убого,
Но преградой открывая путь глазам.
Им молили жить сегодня ночи,
Утомляли роскошью вблизи огней,
Ценностью внимания, что прочит
Жизнь твоя внутри случайных лет.
Серым отголоском в память врежет
Искося направленный обряд души,
Им не лечит твой противник ночи,
Но заглядывает роскошью теперь.
Обрывается над словом мира польза,
Ей летать под стрелы гедонизма
Стало на глазах любви истошно,*

Что внутри закрытым входом дверь.
Отличаешь роскошью похожий,
Каждый новый день своей потери,
Им не нужен в естестве опоры
Заданный нуар из светлой прозы.
Дёрнет дверь и холодом объято
Смерти поле на одном случайном
Пережитке права – быть отчаянием,
Чтобы за собой в пути оставить свет.
Ночью миром слаженной манеры
Ты влечёшь свои простора сферы,
Волей отпирая в сердце мудро
На одних глазах, закинув утро
Сном ладони смысла после смерти —
Всё стоишь, и опираешься под правом,
Быть ему задором в чести мира
И одной толпой в конечной тьме.
Изнывая редкой жизнью фарса
Смотришь в поле чести гедонизма,
Нам оно оправдано и рад был
Ты – нуаром встретить новый век.

Рождает слово нигилизма

*Дыхание уносит тень из лиц,
Сложны они и масками увенчаны,
На форме философских Неба птиц
Располагают звон сердечной полноты,
Его луна, как встреченный апломб
Сегодня говорит под тенью нового,
Что смыслом он навязчиво поёт,
Догадываясь ложью каждый час.
Твоя печаль рождает смерти день
И нет нигде потомственной отрады,
Пустили время на одном ходу
По этой форме раненного кванта —
Твою утопию, что стынет на лице,
Ей не доходят час на Небе птиц
И обрывают в гордости шаги
Всё те же умыслы из ночи бытия.
Они, рождаясь словом нигилизму
Прочли утопию посередине всех миров,
Остановили счастье добрых снов
И сложным мифом окрыляют снова.
Неясно видит в тени гиблый шаг,
Что делал бы внутри добром окованный
Твой идеал на постаменте серых лет,*

Образчика фортуны смелой тьмы.
Он возжделует смелостью войны
Унять свои строптивые фигуры времени
И хочет стать под роскошью былой —
Твоей свободы в диалектах гиблого.
Нет места встать из признака войны,
Что все устали проводить ей стыд
На этой крайней, обезличенной вине
Из полуявных склепов рабы мира.
Она устало смотрит в сердце вдаль,
До завтра ожидает тенью слова
Помочь, ценой фортуны не попасть
На смелой пропасти из уготованного чуда.
Но только возраст видит вдалеке,
Он смелый раб и труд больной догадки,
Обязет сон потворству из преград
Успеть определить свою вину,
Что был ты рад над пленом помогать,
Дороже жить, как светоч перед словом,
Но нигилизму пасти света открывать,
Что воля исторической руки наивной.
Ценой гордыни слепит новый склеп
И переходит формулой к свободе,
Он знаку отвечает словом лично
Открытой воле к притче говорить.
Служить ли этой встрече над умом,

*Её спектакля в форме похоронной,
Но гордой юности забыть цену потом
И спрятать нужный логос в темноте?*

Уничтожение любви удел лишь только слабых

*Вновь раз за разом и опять ты смотришь на меня,
Спокойно говоришь потом и вспять ты убегаешь ловко,
Несложно мне предугадать твоих всех поворотов мысли,
Когда удел твой только месть, не счесть здесь больше
лести.*

*Ты прячешь словно холст – свои произведения,
Наедине с собой позор терзаешь каждый день,
Но много пережив ты потрясений, словно тень,
Вдруг понимать научишься свой складный тон,
Ты мстительность свою отложишь на года побед,
Как только проза вся иссякнет наконец
В немыслимой и душной скуке твоих усталых тем речей.
Поговори со мной теперь о мыслях самых благосклонных
И о любви, как нежный зверь полюбит всю природу,
Лишь солнечным и ясным сном открыто и без убеждений
робких*

*И я пойму тебя теперь, твоих всех сильных и неловких
Стремлений возродить мечту не уничтожив всё вокруг,
Своих друзей, родных, коллег и много личностей на взгляд,
Хотением успел побольше стать, забрать себе и поско-
рей*

Усилим, настойчивостью строгой, как хищник на добы-

чу ловко

*Бежит стремглав сквозь все щиты – твоя игра,
Когда ты смотришь на меня и обеляешь понемногу.*

*Уничтожением морали ты тоже облегчишь мой путь,
Любовь её не объясняет – ей это невдомёк,*

*Скупого мыслей, всю неправду – расскажешь ты сего-
дня мне*

И я попробую ослабить уничтожение твоей любви.

Под жизнь окаменевшую от мук

*Не слогом ты единократно ранишь,
Не мысленным порывом чистоты,
Нельзя тебя не одурачить и не ранить
И не колеблешься ты разумом нигде.
Под жизнь уставившую от собственных идей и мук
Ты слышишь звук того же сердца,
Как раннего ответа след, что невдомёк,
Не размышлять о продолжительности дел.
Нелишним будет тот предел,
Как хочешь ты открыть себе,
Не думая каким запомнится итог
И расстановка жизни в правде.
Под смысловым затишьем отношений,
Под не угрюмым, не печальным сном
Не камнеет той сердечной колкости безумие
От предрассудков без любви с тобой.
Без тех определений черт судьбы,
Что рисовать смогли мы вместе,
Где рядом продолжительно внутри,
Играя вновь определяли те пути,
Которыми пойдём без сильного притока пустоты,
Ненужной маски слёз и оперившегося гнёта.
Где будем только я и ты,*

Не разбирая принципов моральной тишины,
Закономерности под жизненной молвой,
Что одурачивает от утех к власти,
Закономерности под безрассудством строк,
Что так наивно, пригласительно зывают к смуте,
Окаменелая порода сути той,
Ей невдомёк не слышать и не делать.
Не оправданием зывает к нам.. судьбой,
Чтоб жизнь сначала предопределить от роли,
От мысли гнусности и незначительности бед,
Что так пытаются пройти по колее своей,
Влияния природы от иллюзий и наград,
Лишь сковывают разум под понятием мечты.
Немного согласившись ты остыл,
Намедни будет жаркая погода
Раскатами определения ума светил —
Узнаем как встречать и тот итог пути,
Его погоды каменного сердца в пустоте.

Игривые мечты

*Напоминая мне игрушку, что в детстве ты мне подарил
И не на шутку тонко.. ответил скромностью,
Однажды, без случайности взамен, я подарю тебе обрат-
но*

*Всех ласковых и нежных мыслей перемену.
Но разнесёт о том молвы течение, стремительно уняв,
Свой быстрый стон о зависти и лести,
Когда встречаю я тебя, все горести уходят наяву
И только в чувствах тишина – доносит робкое дыхание.
Повремени ещё чуток своей стремительной окраски,
Преобрази меня теперь, как дивный день – твоей лишь
краской,*

*Ты только на ночь расскажи о всех мечтах, что жить
хотели*

*И, как игривостью резвясь мы в гости по утрам ходили.
Так нежились на солнце золотом, в мечтах всех уносимых
тенью,*

*Моей живительной любви, что подарила в век себя.
Затмение не сможет показать всех чувств и нравов мыс-
ли,*

*Когда так ласково глядя, твоих потусторонних чистых
кистей*

Я чувствую.. и глубина меня цепляет словно время,

Твоя игривая судьба напоминает о мгновенье
И радостью тонов вдали я поднимаюсь ввысь глазами.
Там вижу лиц игривые черты и много, много новых правил
Я покажу играя через тень, собравшей всю себя поодаль,
Чтоб можно было вспоминать потом.. и чередой сту-
пать,

Но время.. не разлучит нас больше никогда.
Твоих всех стройных дел и красотой всей личности – ум-
нея

Покажет ту мечтательную даль, которой ты достиг-
нув смело

Раскинешь ясность мысли всем своим друзьям.
Мои любовные печали в мечтах, перебирая словом жизнь,
Смотрящей словно лист осенний, сквозь леса длинные пу-
ти

Покажут тех умений символизм, что вспомнить дождь
должны

И поведут, как воин скромный.. когда придёт всех целей
смысл,

Где ты не будешь искать искусственных надмений пеле-
ну,

Но ты мечтой заучишь всех жизненных уроков красоту
И полетишь синицей.. орлом прикинувшись на миг.
Всех озаришь игривостью.. и переменам покажешь путь,
Чтоб нам идти во всю, предела не увидев здесь,
Пороков поколений философской пустоты ума,

На этой красоте из умственных полей простора для сердца.

Отпусти вину потустороннего

*Отпусти уверенно рукой, но не своей
Боли сильный умысел под словом,
В собственное тени протяни одну мечту
И вопросом счастья в том готовый,
Ты оставишь нонсенс обсуждения вокруг
Гордости условия прожить ещё одну
Самую убогую в пороке красоту,
Чтобы ждать её нетленной формы завтра.
Проходя уверенно на плоской мысли здесь
Отпадают прочие, условные намёки,
На кругах они оставили любовные упрёки,
Чтобы хоронить инстинкту новое добро,
Там ему не место у проложенной игры,
Здесь внутри не стало утомлением почёта —
Жить, что слову ясный монолог уже затем,
Что над социальным сном завидует пророку.
Жил ли обций декаданс над полной тишиной,
Залетая ловкостью в увесистое чрево —
Долгой философии над памятью мечты,
Там её в потустороннем сне иллюзия – согрела,
Взвила ясный месяц над конечной чередой
Полноправной воли у прочитанной надежды,
Долго ли ходило Солнце мысленной игрой,*

Чтобы думать, отпуская смыслы риска?
Над опорой им стоят обыденные дни,
Ходят роскошью, чтоб думать современно,
Нам они оставили вину как эго звёзд,
В мыслях опираясь на искусственное «здесь».
Большой час – он век влекомый дом,
Из задора сколькой тени прячет
Новый ум, о том душа и плачет
В постоянном сне пророка злых идей.
Им ступали новые отчаянные страхи,
Думая, что все они на веренице праха
Сожжены утробой развалившейся войны
На нетленном поле идеалов смысла счёта.
Думали ли мы о том конечном сне в раю,
Умываясь ловкостью на собственном размахе,
Чтобы день твоей иллюзии считал свою вину
Тонкой впадиной на долгом мысе плахи?
Обучаешь ловкостью уверенной игре,
Соль её идеи проступает, как восторг,
В слове утоляет век на равном пережитке
Новый день и стон особенной души – почёт.
Отпусти вину, её душа осталась,
Ждать теперь искусства в созданной заре,
Мыслью счастья в доблести сражаться,
Чтобы жить на этом свете параллелей,
Зная точный час, как воздух посторонний,

*Ловкостью настроенной погоды от идей,
Дышишь им один и отличаешь соль восторга
На вину, которую ты отпускаешь не один.*

Страх лжи искусственной тени

*Дыханием возобновило лёгкий шум,
Он точный возраст прошлого тревоги,
Заносит в счастье миг и говорит умом
О страхе, без которого нельзя,
Понять ли сумасшедшее в любви
Понурой тени в окончной воле права,
Где нет иллюзии сложить внутри идей
Свою ментальную опору – переправу.
Над каждой точкой обывателя лежит
Культура мифа сна потустороннего,
Им верит случаю и в сердце дорожит
Благое сумасшествие над ложью бытия,
Но горький лёд из тени быть умом
Сражает снов вдыхаемое счастье,
Внутри становится оно тлетворным днём
И страхом чести утомляет, словно время.
Не кажется тебе, что мысли днём
Такие же иллюзии, что ночи в тонкой мгле,
Из под ключа культуры возраста совьют
Моральный этос мира лжи – вокруг,
Что не было тебя и слёз забытого,
А шаг, как точный пафос чёрной роли
Сомнением уходит в тот же край,*

Где ходят мирно тенью слов о завтра.
Они нетленны в слаженной игре
И сорванный цветок простора им
Такая же модель искусства завтра,
Что бытие у собственной души.
В дыхании на страхах тени мирно
Ложатся, прерываясь в чёрствой лени,
Они одни пророки поколений
Из смелости забытой нами лжи,
Куда – то смотрят и хотят умом души
Иметь свою свободу в чёрной мгле
Из этой преисподней роли на Земле —
Скитаться в счастье собственной надежды.
Устало парадоксы в тени смерти
Проходят сквозь иллюзий ряд – вокруг,
Они искусственные фабулы под каждым
Из под нутра психической мечты —
Её истории на надлежащем сне,
Внутри которого ушли простые страхи,
Как жалко стало утолять им тень
На этой просьбе из искусственной беды.
Она стесняется и ложью видит час
На видимой войне из мысли завтра,
О том, что было бы – ведёт немой рассказ
И останавливает ловкостью удачи
Свою последнюю преграду в чести страха,

*Завидуя – пленяя череду из нас,
На этой фабуле о истинах играет —
Её тлетворный мира чёрный перевес.
Заносит преисподний воздух смело
Под архаичным блеском суженной любви,
Из недр культуры опираясь смело
Ты – тот из страха собственной игры,
Всем заново ушедший к смелой тени
На поколениях иллюзий смерти воли,
Её породил на безымянной доле
Искусственного жала к форме в нас.*

Значение горя

*Слаще взгляда словом обернётся,
На глазах искусства станет рябью,
Собственное нежилое воли Солнце,
Из которого ушли приметы лжи,
Над простором пролагают явный
Свет зари из маски горя разума,
Отличает век на этой синеве
Частный диалект из права завтра.
Знает смыслом сожжённным в беде,
На одной картине форм роняет
Свет презумпции, что жили мы в вине,
А по кратной линии на сне —
Обязуем счастьем видеть правое,
Ложь ли ищет слаще в том бреду,
Усыпляет тени мирной фатума —
Обязательство, что сердце на виду,
Из которого ушли моралью завтра мы.
Знало истиной, но в том обида права
Не бывает милой сердцу ласковой —
Та мечта, что в бытие завидует
И растопчет долг в картонном сне,
Управляет он замером завтра ли —
Будет ощущать источник на благом,*

А потом ходить под горем этих прав,
Думая, что свет Земли ему помог.
Образуется словом вечный прах
В каждой точке мысли нам вослед —
Эти дни, их зарево из вечных благ —
Горю остановки в светлой силе.
Все они стращают роли сердцем прав,
Обещая гордо самый вечный дым,
Он один на свете утомлённый раб
И господства вольных стен внутри,
Открывает тень истории за этим сном,
Разбирает век на склепах аллегорий зря,
Точно также как и сон аллюзий — говоря,
Что у горя на конце беды — не мы.
Стали заревом искусно управляя за
Этим парадоксом света и открытой тьмы,
В собственной тоске ли стали — вечно спать,
Удивляясь смыслам, на которых ложь
Оставляет тень манеры вдоволь миру,
Окрыляя миф из жажды этих благ,
Остановлен ими точный сердца враг
И стоит один, что думает нутром потери,
Будто бы внутри оставил ложь и мрак
На последнем веере из ловкой цели.

Знакомый страх уверен на другом

*Подобие из злобных дней ты говоришь,
Не стоит видеть воли парадокс,
Чтоб снова жить и страхом отгонять
Беду, из сложной участи других.
Они застыли светом и хотят идти
По длинным переулкам закалённой чести,
Из взгляда думать на игре ума,
Отгадывая шансы этой ветхой лжи.
Пророчествовать не стал твой диалект,
Он ум сложил и полноту восторга
Над жалостью другой тоски у долга,
Им честью стать хотел из злобы дня.
Твой верный путь по частной колее,
Намедни думает и холит час ума,
Он прошлый воздух видеть не хотел
Большому миру к личной суете.
На этом парадоксе пел твой враг,
Снимая шансы в сложных квантах лет,
Они ему уверенной строки рассвет
И долгий прииск в каждом сне под вечер.
Растлило день за славой страхом быть,
Ему служить, что обгонять коня у смерти,
На новом поприще здоровьем дорожить,*

Сгоняя ум своей истерики в другом,
Похожем сне, что сложен как и век,
Построит счастье в бытие надежды,
Он – философии родник у ног стены
Из этой правой жажды большей глубины,
Оставит вечный страх в пути невежды.
Уверен страх на попрание другом,
Что сложен мир отважный, но потом
Ты – тот же юмор чести бытия
За белоснежной отмели преградой,
Стоишь и открываешь сердца ради
Искусства долгой памяти внутри.
Прошли за страхом тени на тебе,
Они оставили мотивы, как и мы —
Знакомые под страхом той войны,
Уладим спор из слов другой невежды,
Он самый дивный раб и холод стен
Ему укажет личностью под правдой,
Что долгий сон окутал им теперь
Мораль мечты, на зависть лести каждой.
Сквозь человеческий оскал стремится стать
Она – твоей сомнительной преградой,
На том же веке, опираясь как бы
Сквозь миф за злобой квантовых ролей.
Из чести слова вынул смерти здесь —
Один и тот же страх знакомый веку,

*Он – человек на мысли слов другой,
Её породил из света боли скованной,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.